

Александр Исаевич Солженицын — семьдесят пять. Человек, который для нас больше, чем литератор, больше, чем изгнанник и больше, чем мужественная личность.

Властитель дум, символ воли, открытости и прямоты. Человек, который Нобелевскую лекцию завершил словами:

— СЛОВО ПРАВДЫ
ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ.

11.12.93

Культура. — 1993. — 11 дек. — с. 1.

СОЛЖЕНИЦЫН И МЫ

Нет в обозримом пространстве русской литературы писательской судьбы более удивительной, чем эта. Нет ничего подобного и по масштабу противостояния художника и власти.

Вспомним события двадцатилетней давности. Антисолженицынская кампания приобрела гигантский размах к началу 1974 года. Райкомовские лекторы по всей стране в своих выступлениях доверительно сообщали, что Солженицын на самом деле — Солженицер, выполняющий задания сионистских центров. (Не забуду как лектор МГК КПСС, рассказывая слушателям о том, что Солженицын на укрывает на своей даче Ростропович, с ухмылкой и подмигиваниями поделился догадками насчет характера этой дружбы). А пытливые исследователи из одной южной области России сообщали тем временем, что Солженицын происходит то ли из рода богатых помещиков-крупных, то ли из кулаков-мироедов. В общем, шпион.

Слово «изъятие» тогда было беспощадно, как нож гильотины.

Листаю в редакционной библиотеке книжки «Нового мира» с вырезанными страницами. Читаю Акт от 28 февраля 1974 года об изъятии из фондов библиотеки книги Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и страниц из «Нового мира» с произведениями писателя. Такая расправа проводилась по всем библиотекам Союза: Перелистываю подшивки «Советской культуры» за январь и февраль. Они пестрят заголовками: «Путь предательства», «Пощечины павлинцу», «Ненависть пожирает истину», «Г-н Солженицын нам недодел...». Впрочем, взглянув на другие газеты и журналы того же времени, понимаешь, что «Советская культура» в шельмовании Солженицына была не самой активной.

Кажется невероятным, что руководимая с командного пункта на Старой площади, небывалая по мощи, беспощадности, злобной оголтелости атака обрушилась всего лишь на **ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА**.

Чем же разъярил единственного человека многотысячный партийный и государственный аппарат, КГБ, Генеральную прокуратуру, писательский департамент, слабую армию руководителей газет, радио и телевидения? Властители отдавали себе отчет в том, что слово Солженицына поможет отличить истину от фальши, различить зло в красивой упаковке, угадать приметы Добра. А это означало бы крушение каркаса, на котором держалась Система.

Ведь она калечила людей не только в лагерях ГУЛАГа. На «воле» практиковалась не менее страшная форма воздействия на умы и души. Идеологическим прессом насильственно деформировалось сознание. Вбивалось в головы, что не бывает внеклассового Добра и Зла, что внеклассовый гуманизм непременно буржуазен, а стало быть, реакционен. Те, кто дирижировал общественным мнением, с безразличностью относились к народу, называя его населением. А у себя в коридорах власти без стеснения применяли слово «быдло». Когда нужно, нажимали кнопки и включали «масовое волеизъявление трудящихся» — митингами одобрения или протеста по случаю очередной победы развитого социализма или, наоборот, необходимости заклеить происки НАТО, сионистских сил и американского империализма. Отлаженная, хорошо смазанная машина, привычные рычаги управления, отработанные приемы.

...Но вот появился несуетный человек с невероятной биографией. Многожды был на волосок от гибели: то на фронте, то в сталинских концлагерях, то на больничной койке под скальпелем хирурга, удалявшего раковую опухоль.

Тихо приехал из Рязани, принес в редакцию рассказы, основанные на пережитом. Один — о лагерной жизни, другой — о простой русской старухе Матрене из деревни.

И еще был рассказ — о случае на железнодорожной станции во время войны.

Художественная проза Солженицына потрясла подлинностью драмы жизни, к которой до сих пор никто из советских литераторов не смел прикоснуться, а также и свойственной ей простотой, ясностью, лаконизмом и вместе с тем необыкновенной рельефностью и образностью повествования. Она приоткрывала новые грани нашего бытия, и в этом была ее взрывная сила.

Но более всего идеологов системы перепугала публицистика Солженицына. Слово отлитая из благородного металла, она гудела над страной, вызывая желание очиститься от скверны, выдать из себя рабскую лимфатическую жижу, освободиться от везшегося в душу лицемерия.

Помните:

«Мы так безнадежно расчеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою, все усилия наших предков, все возможности для потомков, — только бы не расстроить своего утлого существования. Не осталось у нас ни твердости, ни гордости, ни сердечного жара...»

Но никогда оно от нас не отлипнет само, если все мы все дни будем его признавать, прославлять и упрочивать, если не оттолкнемся хотя б от самой его чувствительной точки.

От — лжи.

...И здесь-то лежит пренебрегаемый нами самый простой, самый доступный ключ к нашему освобождению: личное неучастие во лжи! Пусть ложь все покрыла, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрямся: пусть владеет не через меня!

Это обращение к соотечественникам «Жить не по лжи!» Александр Солженицын написал незадолго до ареста и высылки из страны. И сразу же в тысячах копий оно стало передаваться из рук в руки. То было время, когда после недолгой хрущевской «оттепели» мертвечина вновь стала разедать общество. Солженицын обращался к нашей совести, к нашему чувству человеческого достоинства. И разве возможны были бы добрые перемены в нашей стране, если бы в обществе не созрело отвращение к тем, кто олицетворял ложь и насилие, и их прислужникам, затоплявшим страну демагогией и ложью? И если бы многие из прочитавших письмо не сделали попытку отойти от позорной черты нравственного падения?

«Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями — она проходит через каждое человеческое сердце... Линия эта подвижна, она колеблется в нас с годами... Нельзя изгнать вовсе зло из мира, но можно в каждом человеке его потеснить» Так писал, обращаясь к нам, наш великий соотечественник и современник.

Государство со всей его мощью не смогло справиться с одиночкой и в ярости выпихнуло его за границу. Он выстоял — один против махины, даже не покачнулся. А вот система пошатнулась. И в конце концов рухнула. Одиночка поколебал основы, казалось, несокрушимой цитадели.

...Александр Исаевич Солженицын — 75. Весной он должен возвратиться в Россию. Каким будет его участие в нашей общей судьбе?

Льва Толстого в конце жизни называли великим старцем. Не в смысле преклонности лет, а в исконном, церковном: «учитель жизни, мудрец». Таким вижу сегодня и Солженицына. Вернется он на Родину — значит, ума, чести и совести в России прибавится. И да осветит нас благодатным, исцеляющим светом слово мудреца. Будем верить, и на этот раз его слово правды «весь мир перетянет»...

Илья МЕДОВОЙ.

Александр Солженицын: Мир страдает от недостатка самоограничения

Интервью писателя на 3-й странице.